

18+

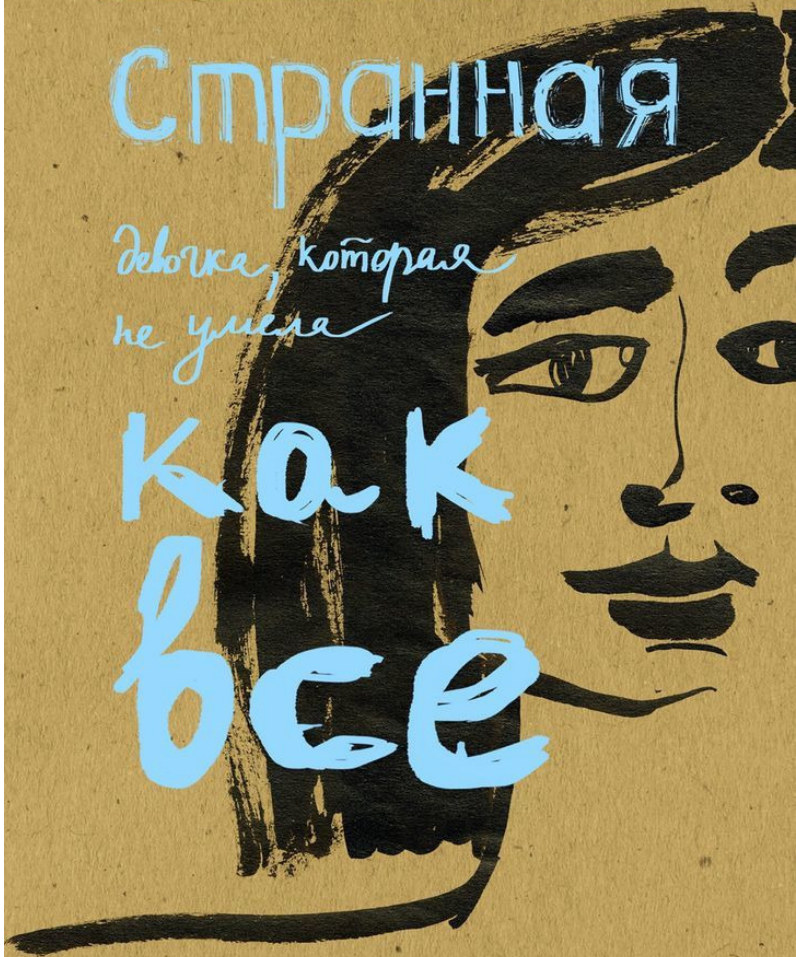
ПРИНА

БАРАБАНОВА

Странная

*девочка, которая
не умела*

как все

Ирина Барабанова Странная девочка, которая не умела как все

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45568999

ISBN 9785005052667

Аннотация

Книга о свободе быть собой и не бояться. Даже если ты СТРАННАЯ. Да, это дико сложно и почти невозможно. Поэтому надо попробовать. Начать с этой книги. Надеть золотое платье, налить терпкого вина, взять в напарники кота и влюбиться в... Жизнь. Книга состоит из небольших рассказов на каждый день. Ее можно читать с любой страницы. Лучше утром... или днем... или ночью... или тогда, когда хочется – наслаждаться!

Содержание

Глава 1.	8
Сюрприз	9
Праздник	11
Карантин	14
«Не котенок»	15
Пальто	16
Подарок	17
Олег Попов	19
Горе	20
Призвание	23
Дед	26
Семечки	29
Характер	31
«Чудо-юдо»	34
Мадонна	37
Три свадьбы и одни похороны	38
Первый класс	40
Живопись	42
Кленовые листочки	43
Гений	45
Медведь	47
Второй	50
Треск поленьев	52

Море	53
Красота	56
Вера	57
Джинсы	59
Варежки	60
Джульетта	62
Модница	65
Тонечка	66
Мужчина моей мечты	69
Учитель истории	71
Коллекционер	73
Член семьи	75
Справедливость	77
Пироги	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Странная девочка, которая не умела как все

Ирина Барабанова

Редактор Лилия Илюшина

Корректор Лилия Илюшина

Иллюстратор Александра Алексеева

© Ирина Барабанова, 2021

© Александра Алексеева, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0050-5266-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маме

Глава 1.

Странное начало

Сюрприз

Ждали мальчика. По всем народным приметам это был он. Родилась девочка.

Это было настолько непредсказуемо, что папа не поверил врачу. Даже нагрубил. Расстроился. Выпил. Обескураженный пришел к окнам палаты и еще раз с надеждой в голосе спросил:

– Ну, кто?!

– Девочка!!! – ответила усталая, но сияющая мама.

– ...

Он стал хлопать себя по карманам в поисках сигареты. Нашел. Достал. Блин, сломалась. Так, другую... Спички... Не зажигается... Выкинул все.

Потоптался на месте. Поразмышлял. Потеребил ветку. Оторвал лист. Закусил. Сплюнул. Поднял глаза к третьему этажу и махнул рукой:

– Нууу... лаадно! Пусть так... Но смотри, чтоб не подменили!!!

Палата с мамашами сползла под кровати. Хохот стоял нечеловеческий.

Мама в первые минуты не поняла, почему все смеются. Она с изумлением смотрела на своего ребенка и никак не могла осознать его как что-то отдельное. Чувствовала каждый вдох – выдох и трепетала.

Однако подменить, если бы даже захотели, – не смогли бы. Никто бы не решился покуситься на этот громогласный комок, сотрясающий стены и категорически не берущий грудь в зеленке. А потому у всех малышей рты были зеленые, а у меня одной – розовый. Как и полагалось по инструкции Создателя.

Бабушка долго рассматривала, склонившись над кроватью, и все не могла определить, на кого же эта девочка похожа.

– На саму себя! – крикнул дед из-под газеты.

– Так не бывает. Можно подумать, что родители тут совсем ни при чем. У нас вон их пятеро. И в каждом мои черты, и, к сожалению, твои.

– Что значит, к сожалению? А чьи еще они должны быть?!

Дед отложил газету и пошел в наступление. Бабушка бросилась к нему навстречу.

Мама на улице развешивала пеленки.

И только папа уже не задавал никаких вопросов. Он сладко спал. И даже похрапывал, стоя на коленях и прижавшись лбом к деревянным прутьям детской кровати. Я молчала уже целых 10 минут. Это было самое большое счастье, какое он переживал за всю свою сознательную жизнь. Ему снились мыльные пузыри.

Праздник

В тот день никто не будил меня в спешке, чтобы скорее экспортировать в детский сад. Не требовал пошевеливаться в ванной и не падать сонным носом в кашу. Необычная тишина заставила (ну любопытно же) самой выбраться из кровати и пришлепать на кухню. А там был... папа... в холодильнике. Открыл дверцу и уставился в него как в телевизор. Морщил лоб и даже, потрепав меня по голове, не заметил.

В спальне нашла маму. Она сладко потягивалась.

Ух ты! А чего это? Странно.

Забралась к ней под одеяло. Но уснуть не получилось. В животе загревели трубадуры. Обычно еду в меня запикивали под песни и пляски разных народов мира, а тут даже ничего не предлагали. Определенно что-то случилось. Или должно?

В дверях появился папа. Он был горд собой и улыбался. Принес две половинки огурца с солью. Оказалось, что это и был наш с мамой завтрак (!) Сегодня он – главный человек на кухне. А мама – на диване. Обычно все наоборот.

Ну, съели, и что?

Принес еще.

Еще съели. Только радости никакой. Организм привык к каше и сырникам со сметаной. Все остальное – баловство и разочарование.

Только кроме меня, пожалуй, так больше никто не думал. Эти двое постоянно шушукались и неприлично хихикали. В целом, как сказала бы моя воспитательница, вели себя неадекватно. Ох!

Тогда я сама пошла на кухню. А что делать? Голод – не добрая соседка с пирожками. Ну, что тут у нас из запасов? Зеленый горошек в пакете, желтый горошек, коричневый мелкий, белый порошок, молоко, яйца... Все, что нашла, – на коврик. Добавить воды (как в песочнице), крошить зелени (папа вчера цветы принес) и украсить конфетами. На вид получилось грандиозно. Вот оно – настоящее кулинарное мастерство. Это вам не огурцы на половинки делить. Собралась было руки помыть, да по тарелкам разложить.... но тут случилось неожиданное....

Эти двое «хихикающих» выросли надо мной, как два динозавра. С выпученными глазами и раскрытыми ртами. Схватили и прямо в пижаме – под душ с мочалкой. Молча изничтожили все мое «искусство», красовавшееся посреди кухни. Без намеков на благодарность.

Мама со вздохом пошла к плите. Папа – стирать коврик и одновременно мыть полы.

Вечером мы чинно сидели за столом. Ужинали.

Они опять улыбались. Как оказалось, по случаю праздника. Назывался он «8 марта». Посвящался нам с мамой. Девочкам. Мне сразу вспомнилось, что бабушка называла меня папиной «копией», и я засомневалась. Договорились, что бу-

ду праздновать мужской праздник, как «копия» и женский, как «оригинал». Подарки, соответственно, должны прилагаться к каждому. Кто-то может и поспорил бы. Я не стала. И, довольная, пошлепала обратно в кровать.

Карантин

Ветрянка и карантин в детском саду – это кошмар для родителей. Но не для трехлетней девочки. Даже с пятнами зелени на лице она стоит перед зеркалом и видит в нем принцессу. Потому что на голове прическа из длинной марли, на груди блестящие бусы, мамина юбка до пят и, разумеется, ее же туфли на каблуке. Еще полфлакончика парфюма, красной помады во все лицо и жизнь вообще удалась. Дело лишь за прынцем. Пусть он тоже в изумрудных болячках от ветрянки, но обязательно, чтобы на белом коне из перевернутой табуретки и с саблей из сломанной лыжи. Вот он такой с воплем врывается в квартиру, «отрубает» коту голову (а кому еще?) и вместе с такой же орущей прынцессой мчит в коридор, по лестнице и на улицу. Там их обоих ловит бабушка Галя (она же Кощей и Дракон в одном лице), срывает магические декорации, отмывает креатив и возвращает в скучную реальность. Только она еще не знает, что в три года пространство всегда перевернуто и наполнено волшебством и звездами. Поэтому прынца и прынцессу не остановить. Они в любом наряде молоды и прекрасны. Смелы, находчивы и беспощадны к хрупкому германскому сервизу на 8 персон. И усмирить их можно только одним способом: взять на ручки, нежно прижать к теплой груди и рассказать сказку.

«Не котенок»

Правосознание – коварная штука. По рассказам очевидцев у меня оно (или она) проснулось года в три от роду. Причем, зимой. В начале 80-х. В шубе, валенках, в бабушкиной толстой шерстяной шали я стояла перед деревянной лестницей в подъезде и пыталась ее покорить. Отчаянно. Каждый раз скатываясь с первой ступеньки, но упорно двигаясь вверх, к цели. Сизиф в этот момент был моим братом. Только он камень в гору закатывал, а я саму себя. Тянула. Как могла и не могла. Первым не выдержал отец. Взял взрослой рукой за воротник и... мой полет прошел стремительно и легко. Но на пятой ступеньке Сознание перешло в Осознание, и я закричала:

– Пусти! Я вам не кОтонок!!!

– А кто? – неожиданно для самой себя выпалила мама.

– Ебонок!

Родители как-то сразу согласились. Глаза опустили. Вечером в своей комнате что-то долго потом шепотом обсуждали. Должно быть Конституцию перечитывали.

Пальто

Советский союз. Дефицит. Очередь. «Дают» постельное белье.

Мама держит меня за руку. Мне три года. И мое терпение быстро заканчивается. Поэтому мы идем «прогуляться» в соседний отдел детской одежды. За примерками время пролетает быстро. Мой выбор падает на зимнее пальто с голубым воротничком – серебристое, в клеточку. Всё. Это окончательно. Теперь можно уходить. На просьбу снять пальто и вернуть его продавщице последовал категорический отказ. Мама взмолилась. У нее денег было только на постельное белье. Другая покупка в планы не входила. Тем более, что на нее не хватало 2 рубля. Внешний мир вступил со мной в борьбу. Меня увещевали, сулили конфеты, стыдили, пытались обмануть. Бесполезно.

Несколько целеустремленных взрослых женщин и один маленький, но уверенный в своем решении ребенок. И «справедливость» восторжествовала! Мы пошли домой. Мама, я в красивом новом пальто и солнечный июль 1980 года.

Подарок

Они сказали – выбирай и я не постеснялась. Юбилей все-таки. Три года бывает раз в жизни. С возрастом не шутят. Ткнула пальцем в висящую на витрине обезьяну.

– Вот!

– Нет, доченька, пожалуйста!!! Посмотри сколько красивых кукол вокруг. Бери любую. Хочешь этого мишку или лису? Какой хвост у нее пушистый...

– Нет! Она. Ее дайте!

Началась суета. Благие намерения и прочие бесполезности взрослых. В конце концов, купили. Вручили. Мы шли с обезьянкой в обнимку, подметая хвостом асфальт.

– Ты ей вчера читала сказку про чудовище и странную семейку мазохистов? Как она называлась?

– Аленький цветочек.

– Да, точно! Еще картинки там страшные были. Может она впечатлилась и поэтому этого дракона теперь домой тащит?

– Да какая разница уже? Ребенок захотел, купили, она счастлива и прекрасно.

– Слушай, но это ненормально!

– Что именно?

– Такая страшная игрушка в кровати ребенка. Она же ночью проснется, глазки откроет и напугается. Еще заикаться

начнет.

– Не начнет. Она ее любит. Не за внешнюю красоту, между прочим.

– А за что?

– Эх, мужчины! За добрую душу и мягкий нрав. Есть что-то в этой игрушке притягательное. Теплое что-то. Понимаешь?

– Черт вас подери, женщины! Какая еще душа у этого страшилища? Если она в три года непонятно что выбирает, то кого она нам в зятя тогда приведет, когда вырастет? Ты об этом подумала? Орангутанга?

– Тарзана, я думаю :-). А ты кого бы хотел? Ивана Царевича?

– Человека!

Отец махнул рукой. И купил мне огромную коробку детской посуды. Раз такое дело, то пусть тогда дочь учится готовить. Обезьяны, должно быть, едят больше людей.

Олег Попов

На верхней полке серванта стоял проигрыватель для пластинок. Рядом с ним всегда сидел резиновый яркий с круглым брюшком клоун. Когда я впервые (не помню, во сколько лет, но очень мелкая) спросила кто это, мне мама ответила: «Олег Попов». И все. Это был Олег Попов. Для меня. В моем новом мире, где я сама еще была новенькой и только знакомилась со всем, что меня окружало.

Других клоунов я не знала. Поэтому у всех, коих я видела потом в цирке или в детском театре, всегда было одно имя – Олег Попов. Это так сложилось. Как архетип. Как, если красивая американская актриса, то, разумеется, Мэрилин Монро.

Если режиссер, то Феллини. Если писатель – Толстой. Поэт – Пушкин. Возможно, у каждого свое. Да наверняка так и есть.

А для меня все клоуны мира – «Олег Попов».

И так будет всегда!

Горе

У бабушки Юли была большая спина, а у меня – маленькая мочалка. Я сама вызвалась помыть ее так, как она меня обычно. Только не совсем получалось. Пар от печки сбивал с ног. Воздуха отчаянно не хватало. В низенькой деревенской баньке было темно и тесно.

Еще чуть-чуть и я сдалась. Легла на лавку и горько заплакала. Так от души, что слезы слетали с лица, как брызги весеннего дождя с карниза. Бабушка встала с низенькой скамейки, взяла меня на руки и вышла наружу. Закутала в полотенце. Вытерла глазки. Громко чмокнула в обе щечки по очереди.

Пришла мама. Забрала свой «трофей» и понесла через огородные грядки с картошкой в дом. Голые ноги мои задевали листья, на которых сидели, насмехаясь и пучась, колорадские жуки.

Тут опять накрыла жалость к себе и что-то еще такое, отчего я заголосила на всю деревню как потерявшийся жеребенок.

Дед слез с печки. Прищурил глаз. И строго спросил у дочери:

– Вы пошто ребенка обидели? Чего он у вас свистком от поезда внезапно сделался? Отдайте его мне на утешение. Иди-иди сюда, внученька. Смотри, что у меня есть...

В одетом виде, в носочках попала я к деду под бок. Он любил меня особенно. Баловал. Запрещал родителям наказывать и насиловать кашей. Они очень удивлялись такому непредсказуемому поведению деда. Ведь все шестеро его собственных детей по малолетству ходили при нем по одной половине. Никто перечить не смел. Старшие до седых волос дожили, а к отцу снизу вверх обращались. А тут «плюгавка» какая-то – с курицу ростом, а вертит им как хочет.

Я таких подробностей еще не знала, поэтому настроения своего в тот день не скрывала. Что там на небе делалось? Но «горе» настигало меня волнами и смывалось только слезами. Потом легчало на душе немного. Однако «пена» эмоций вновь поднималась и требовала пространства для выражения.

Дед три войны прошел. Он не привык поддаваться страстям и потакать женским странностям. С «горем» моим справился в два счета. Насыпал кружку пшена и отправил курей кормить. Потом задание было кошке молока налить. Крыльцо подмести. Клевер на лужайке нарвать. Корову с бабушкой встретить. А под вечер ему и куклам сказку рассказать.

Уморенная делами и заботами потеряла я «горе» незнамо где и когда. И, захваченная в плен счастьем, уснула прямо на лавке, придавив кошке лапы и хвост. Она не дергалась. Сидела и ждала когда придет мой отец и отнесет свое чадо в кровать. Потому как опытная была. Троих котят в люди от-

дала. Но такого крикливого детеныша еще ни разу не встречала.

Призвание

В старину перед ребенком клали четыре предмета: книгу, оружие, деньги и инструмент. Считалось, что к чему потянется пухлая ручонка, тем человек и будет заниматься всю оставшуюся жизнь.

Моя рука в три года сама нашла себе гвоздь. Огромный и ржавый. Причем, в тот момент, когда родители были меньше всего готовы обсуждать вопросы моего предназначения.

Отец вернулся из командировки. Трое суток за рулем. Он даже ужинать не стал. Снял куртку, умылся и рухнул навзничь на диван. Мама периодически подходила проверить дышит/не дышит. Полтора часа лежит в одной позе и не двигается.

Я, по ее наблюдениям, тихо играла в другой комнате, разложив игрушки по всем мыслимым и немыслимым поверхностям. Все было под контролем.

Пришла бабушка Юля и женщины ушли на кухню. Мама что-то пекла. Бабушка угощалась. Чтобы запах не шел в другие комнаты, прикрыли дверь.

Дамы щебетали, папа храпел, ребенок замышлял про будущее...

Не прошло и 30 минут, как вопль разъяренного мужчины разнес блаженную тишину вдребезги. Мама с горячей сковородкой в руках и бабушка с полным ртом сырников одно-

временно влетели в узкий проем кухонной двери.

Их потрясенным взорам предстал ревущий «медведь», которого не просто разбудили зимой – голодного и каким-то неудачным способом – но еще и уронили на него электрический столб под высоким напряжением. Глаза метали громы и молнии. Руки держали что-то там на пятой точке и отчаянно растирали, то самое место, которое больше всего пострадало.

– Вы чего за ребенком не смотрите?!!!!!

– Как не смотрим?! Как не смотрим?! Ирина! Ирина!
А где она?

Но найти меня в этот момент было не так уж и просто. В три года для тебя мало недоступных мест в квартире. Особенно, если это недавно обнаруженный укромный уголок между задней стенкой шкафа и детской кроваткой.

Я сидела с огромным гвоздем в руках. Выковыривали меня ласковыми уговорами. За гвоздь, если отдам, сулили много чего привлекательного. Натура оказалась слабой, и они его получили. Потом меня. Перепуганную и дрожащую.

Бабушка взялась обнимать малышку. Мама начала расследование. В фартуке, но уже без сковородки.

Оказалось, что ребенок просто поиграл в доктора. П-р-о-с-т-о п-о-и-г-р-а-л!

Папа не подавал признаков жизни, и он привел его в чувство ржавым гвоздем, вонзив его в папины ягодицы. Пример того, как это делается, ребенок усмотрел накануне в фильме

«Кавказская пленница». Душа откликнулась на зов будущей профессии, и эксперимент не заставил себя долго ждать.

Вечером в семье было двое пострадавших. Одного утешала бабушка. Другого – мама.

Обоим сразу выпало много любви и заботы. История закончилась тем, что папа сам укладывал меня спать и даже прочитал сказку про аленький цветочек.

– Все, что ни делается, к лучшему, – повторила я мамины слова и сладко заснула.

Дед

– Ты мой деедушка? – с недоверием процедила маленькая девочка, глядя на импозантного мужчину в дорогом костюме, начищенных ботинках и с невиданным ранее никогда дипломатом в руках.

– Да, Ирина, я твой дедушка Леня! – бодро отчеканил красавец.

– Вот это дааа...!

Конечно, все может быть, но как-то это не совпадало с моим образом дедушки из книжек и детских фильмов. Там, если дедушка, то старенький, горбатенький, с белой бородой и в лаптях. Он кряхтит и глаз щурит. А этот? Ну, неет. Этот даже пахнет вкусно. С блестящими брошками на рукавах. Немного похож на папу, когда мама его «в люди» выводила. Кажется, это «концерт» называлось. Н-да.

– А чем докажешь?

– Я тебе гостинцы привез.

Мне он начинал немного нравиться. Но пока совсем чуть-чуть.

– Покажи!

– Идем домой. Дома всё и... Тебе понравится. Я привез огромный пакет с конфетами и другими сладостями.

Удивил. Конфеты у нас на столе всегда стоят. Только их не ест никто.

Все предпочитают рыбу, потому что, как говорит мама, она полезна для костей. Но вот с игрушками в стране напряженка. Их постоянно не хватает. Чем больше родственники их приносят, тем быстрее они надоедают, то есть «заканчиваются». Недавно я обнаружила, что у меня все животные представлены в ассортименте, кроме слона. Точно! Нужен слон!

– Я не люблю конфеты. Ты тогда иди домой один. Там мама. А я еще немного тут поиграю.

– Но как же я найду вашу квартиру без тебя? Мне нужен проводник.

– А мне нужен слон. У тебя есть слон?

– Нет, конечно! Зачем тебе слон?

Тут из подъезда появилась мама с тазиком чистого белья. Она шла к бельевым веревкам, а нас увидела и бросила все. Взмахнула руками, вскрикнула:

– Леонид Васильевич! С приездом!

Я бегом к ней – предупредить. И шепотом:

– Мам, ты уверена, что это он?

– Конечно, доченька. А почему ты спрашиваешь?

– Он на профессора из телевизора похож.

– Так он и есть профессор. В Казани в Академии экономики преподает.

И тут я поняла, что слона мне не будет. Профессор, академия и экономика – это, видимо, что-то ближе к кондитерской с конфетами, коктейлями и пирожными. А мой слон

был из настоящих джунглей. В джунглях в таких ботинках не ходят. Посмотрела я на этих взрослых. Вздохнула. И пошла по своим делам – искать Маугли.

Семечки

Соседи перед телевизором обычно лузгали семечки. Нам мама каждый вечер чистила тазик моркови, капусты, яблок, а в январе – мандарины.

Чипсы, попкорн и прочие буржуйские радости в наше советское бытие еще не вошли.

Дед гостил у нас неделю. И в овощной трапезе не участвовал. Все знали про его вставную челюсть, но корректно помалкивали. Хрустели, конечно. Старались не сильно громко. Он прикрывался газеткой. И под это дело даже новости отказывался воспринимать из «ящика».

Никто опять же не спорил. Уважали другое мнение. Папе пришлось перестать комментировать диктора и запивать чеснок сладким чаем.

Он всегда это делал громко и от души. Но после многозначительного взгляда мамы, которая во всем потакала свёкру, глава семьи вдруг повел себя совершенно неожиданно. Вместо того, чтобы брать штурмом кухню, после работы папа аккуратно разулся на коврике и почистил вначале свои ботинки, а потом и... наши. С мамиными он переборщил, конечно. Черный крем к розовым туфлям не подходил однозначно. Но другого не было. А вдохновение еще оставалось.

Одним словом, мы были рады деду, но особенно счастливы, когда он решил навестить других родственников.

У него был темно-коричневый огромный чемодан и взгляд с прищуром. Дед погладил меня по голове. Я грызла морковку.

– Как твоя фамилия, девочка? Ты знаешь?

У меня от неожиданности вопроса аж спина закружилась.

– Ну да! Баябанова (букву «р» я не выговаривала еще долго). И-и-на Ба-я-банова.

– Прекрасно-прекрасно, девочка. Помни об этом, когда однажды превратишься в зайца. – И с лукавой улыбкой кивнул на оранжевый корень в моих руках.

В зайца?! В зайца?! Мама!! Да, никогда!

С тех пор на всех праздниках, утренниках и смотрах самодеятельности, вплоть до старших классов, я выступала только в костюме лисы и лишь два раза была Снегурочкой. Если уж в кого и превращаться, то лучше в хищника, – подумала я. Но трескать морковь так и не перестала. Потому что риск у хищников в крови.

Характер

Считалось, что у младшей дочери старшей маминой сестры сложный характер. Она единственная из всей семьи не могла найти подход к ребенку. Ко мне. Никак не хотела понять в свои 14 лет, что у меня непростой психологический период. Недавно исполнилось 6. Осенью уже в школу, а я от садика еще не отошла. Поэтому две другие двоюродные сестры, пытаюсь скрасить мои непростые будни, мужественно терпели лягушек за шиворот, уколы будущего доктора и насекомых в чае (я коллекционировала жуков и бабочек, которые умирали от жажды).

Но Света не хотела. Даже после долгого разговора с дядей Толей (папа ее), что гуманизм – наше все, а дети – его агенты. Света упиралась.

Настал и ее черед провести со мной целый день. Родители утром ушли на работу, заперев дверь на тяжелый навесной замок. Собирались тихо, чтобы не разбудить дочку. Кота выгнали в коридор.

Света должна была встать в 6 утра, собраться и пойти на другой конец города для встречи со мной. В ее задачу входило накормить ребенка завтраком и играть в познавательные игры без спичек и стекла. Она взяла себя в руки, стиснула зубы и пошла.

Я знала, что она идет. Умылась, поела, забрала кота и за-

няла оборону.

Стук в дверь. Тишина. Потом в окно (мы жили в своем доме). Никого. Потом в другое окно. Снова в дверь. И так несколько раз. После чего мы с котом появились. И я, подражая Ричарду III, патетически произнесла:

«Иди домой. Нам и без тебя хорошо. Мы тебе не откроем!»

Белое лицо 14-летней девушки стало багровым, глаза – как у рыбы в сетке рыболова. Она отчаянно затрясла ставни.

Что нам с котом оставалось? Мы ушли в другую комнату, включили радио на полную катушку и устроили танцы.

Через несколько минут раздался странный звук. Посыпались кнопки с марли в форточке. Упала с подоконника банка с квасом. Треск дерева и визг разорвавшейся ткани...

Дверь распахнулась и... на пороге появилась... разъяренная Ума Турман, готовая порубить-погромсать Билла на куски и кусочки.

Ну, все! Спасайся, кто может! Кот под кровать, я – более сообразительная – к входной двери. На крик прибежала соседка. Поймала ключ от замка. Открыла дверь и спрятала ребенка на огромной материнской груди. Меня ждали вкусный обед и утешения.

А свирепой Уме Турман (в синяках и порванном платье) пришлось залезть на дерево и трескать вишню до возвращения родителей. Свой долг она выполнила.

P.S. До сих пор остается загадкой – как пухленькая девоч-

ка-подросток пролезла в форточку, в которую никогда не мог протиснуться даже в меру упитанный кот. Мистика.

«Чудо-юдо»

У всех коровы были черно-белые, а у нас цветная. Каштановая. Других звали Буренками, а нашу – Жданка. Мы с бабушкой ее у ворот встречали. Потом они шли во двор по интимному вопросу – молоко доить. Меня мелкую не пускали. Вдруг Жданка нечаянно лягнет. Но я была уверена, что она ко мне хорошо относится и нечего такого «нечаянного» делать не станет.

– Бабуль, можно я попробую, как ты?

Бабушка от неожиданности чуть заикаться не начала, услышав за спиной мой голос. Нарушила я их идиллию своим вторжением.

– Ой, иди, поиграй, Ирина! Тебе нельзя, ты еще маленькая!

– Я не маленькая! Ты ничего не знаешь! Я у бабушки Маши воооот такого БЫКА доила!

Бабушка подпрыгнула, Жданка вздрогнула, задела копытом ведро, и молочная волна накрыла меня аж с макушки.

Вот это да! И молока нахлебалась, и волосы с платьем отмочила.

Бежать скорее к кадучке с дождевой водой отмываться. Пока мама не видела, а бабушка с табурета не встала.

Ноги налетели на курицу, споткнулись и платье пришел конец в грязной луже.

Н-да. Кадушка уже не поможет. Надо идти сдаваться. Волосы в репьях и куриный помет кожу щиплет.

Я к крыльцу, а из окна плач старшей двоюродной сестры:

– Не буду я больше с этим ребенком сидеть! Она не ест, не спит, не слушается! Вчера весь день в бабушкиной юбке пыль с дороги таскала и салют в курятнике устраивала!

– Наташа, доченька, не горюй. Она же маленькая еще. Тебе с ней поиграть надо, заинтересовать.

– Я пробовала. Кукол вдоль лавок рассадила, кашу из печки достала, по тарелкам разложила. Сижу, жду, когда она проснется. А она? Пришла, посмотрела на нас и говорит: «Ну ладно, Наташенька, ты тут с ними поиграй, а я пойду погуляю». И весь день на качелях прокачалась.

Ох, все грехи мои напоказ. Интересно, а мама слышит?

Заходить в дом или на заднем дворе отсидеться?

Вдруг кто-то хватя меня за шиворот и к себе разворачивает....

– Это что за «чудо-юдо» к нам в гости забрело? И пахнет то оно как! Боже мой!

Все! Попалась! Бежать не получится. Лучше умереть на месте. Но как?

Тут крупным планом лицо бабушки.

– Ирина, это ты?

– Не я...

– А кто?

– Не знаю.

Он взял меня на руки и занес в дом.

– Девушки, посмотрите, кто к нам пришел, и имя сказать отказывается?

И сделал то, чего я больше всего боялась. Отдал маме. Она посмотрела обреченно на чумазое существо, которое еще утром называлось ее ребенком, и молча повела его в баню. А что поделаешь? Каким бы оно – это «чудо-юдо» – не было, все равно свое. Родное. А значит – любимое.

Мадонна

Не помню имени и лица той девочки. Только руки. Фарфоровые ладошки. Бесконечно длинные гибкие пальчики. Они просвечивали на солнце и казались иногда золотыми, иногда небесно-голубыми. Особенно, когда она танцевала или пускала их гулять по воздуху. В тот момент мне казалось, что они птицы. Райские. Фантастические. Взлетающие легко и вдохновенно... Это было самое яркое воспоминание из детского сада.

Я мечтала (как все маленькие девочки) о волосах Златовласки и платье Мальвины. Но только понарошку, чтобы никто не догадался.

А потом возникла репродукция Мадонны Боттичелли. А точнее, волшебные руки... Откуда он ее знал? Эту девочку из моего детства?

Три свадьбы и одни похороны

К 7-ми годам за моей спиной было три свадьбы и одни похороны. Если в первых трех случаях взрослые пели, смеялись и целовались, то в последнем – ели, плакали и обнимались. Однако на всех мероприятиях место ребенка было в «зрительном зале». Иди, играй с мелкими. Не хочешь? Тогда на горшок и в кровать. Но у меня были другие планы. Жизнь только начиналась, и не участвовать в ней было преступлением.

Уже на второй свадьбе у меня была собственная фата (пошла тюлевая накидушка с подушек), пластиковое кольцо с дельфином и Жених. Мальчик воспитанный, поэтому не сопротивлялся. Для большей убедительности и важности момента мы уселись за столом между молодоженами. Нас пытались согнать, но от детского крика впервые за всю церемонию проснулась прапрабабушка и поддержала наше решение. Спорить с ней никто не отважился, и молодые целовались через наши головы. А мы ели из их тарелок и исследовали брачный наряд. Мне, например, очень понравилась бумажная роза на груди у невесты, и я переколола ее себе. Мой жених нашел в кармане у молодожена рубль юбилейный с Лениным. Показал владельцу. Тот счастливый махнул на него рукой и деньги сразу же перешли в нашу семейную казну, в мой карман. Потом я захотела салат с другого

конца стола. Моя «вторая половинка» полез, чтобы его достать, и опрокинул вазу на платье новобрачной. Она заревела. И к нашей радости все ушли спасать наряд на улицу к колонке. Мы остались с женихом одни. Доели салат. Поцеловали друг друга и уснули на стульях.

В следующий раз наша встреча состоялась на похоронах бабушки.

Опыта такого мероприятия у нас прежде не было. Поэтому мы предположили, что это тоже похоже на свадьбу, только виновник «торжества» один и находится в другом месте. Где именно? Нам никто не сказал. Мы выждали момент, когда все, наконец, усядутся за стол. И только тогда присутствующим была громко объявлена программа вечера:

«А сейчас, дорогие гости, мы с Николаем (так звали моего жениха с последней свадьбы) будем рассказывать анекдоты, а вы будете дружно смеяться! Анекдот первый...»

Мама вскочила с выражением ужаса на лице. Прапрабабушка проснулась. И все опять закончилось мирно. Я бы даже сказала с прибылью. Нам с Николаем подарили котенка, вручили по пирогу с капустой и отправили к соседям смотреть мультики.

Но это не входило в мои планы...

Первый класс

У меня был белый портфель с утенком. Еще пенал, ручка, карандаш и фломастеры.

Подстригли. Привязали бант. Надели белый фартук на школьное платье и гольфы.

Я собой гордилась. Со всех сторон была хороша перед зеркалом.

Важности моему статусу придавал вкуснопахнувший букварь и папка с цифрами.

К завершению образа добавили букет пионов.

Одним словом, это было событие. И я его ждала.

Сандалии немного натирала, но неважно. Как и давка на линейке. Жесткие и колючие руки старшеклассника, который нес меня на плече через всю площадку напоказ с колокольчиком.

Сверху многое виделось.

Перепуганные первоклашки. Жеманные девочки постарше. Высокие мальчишки со спичками.

Потом был первый урок чистописания и мальчик рядом за партой. Станный такой. На дворнягу ушастую похожий. А может на Чебурашку в молодости. Зато у него были длинные ресницы. Это притягивало взгляд и руки. Очень хотелось проверить их на прочность. Поэтому, когда все рисовали буквы в тетрадках, я охотилась за ресницами соседа.

Но он начал реветь и меня пересадили к другому. К рыжему, с конопушками. У него с собой были леденцы и хомяк в ранце. Мы быстро задружились и стали по очереди тискать мелкое животное. Оно не сопротивлялось. А мы радовались настолько громко, что нас вывели к доске и пристыдили.

Но все это было непонятно и подозрительно. Особенно, учительница. В темном платье до пят, с химическими кудрями на голове и золотым зубом в нижнем ряду. Нам она не понравилась. И мы решили с Конопатым не возвращаться на второй урок. Пошли себе гулять по школьному саду и собирать листья в мой белый фартук.

Техничка нас поймала и отвела к директору. Мы строили ему рожицы и не понимали его начальственного положения. Он злился. Грозил пальцем.

А мы сели на пол и в два голоса разрыдались, требуя еды и лимонада.

Директор вытирал нам носы, а учительница суежилась в столовой.

Господи, как же чудесно это было! Первое сентября. Первый класс. Хомяк в кармане. Директор с сопливым платком в руках. И учительница на посылках.

Живопись

Именно с Сандро все у меня и началось. Случилась в моей жизни «живопись». А момент, на первый взгляд, был банальный. Родители поручили семилетней первокласснице купить молока и батон. Мама аккуратно достала эмалированный желтый с синим цветочком бидон и три рубля (меньше не нашлось). И пошла я греметь крышкой по лестнице, а потом – до магазина. Но не дошла. Остановилась у киоска открытки посмотреть. Они стоили по 2—3 копейки и мне, в случае непреодолимого желания, разрешалось их добавлять в коллекцию. И увидела ЕГО. Замерла. Что было дальше – не помню. Вернулась без молока, без батона, без трех рублей, но с альбомом Боттичелли и 10 копейками сдачи.

Протянула маме пустой бидон и зажмурила глаза, как кот, который понимает, что сейчас что-то будет, но что именно, пока не знает. А вокруг – тишина. Родители наскребли рубль, и за молоком пошел отец. Вечером был дед и принес альбом какого-то советского скульптора. Тяжелый и пыльный.

– Вот, все что нашел у себя. Картинки не цветные, зато, посмотри, бумага какая хорошая.

Кленовые листочки

Учительница хотела, чтобы я выводила буквы в тетрадке для чистописания, а мне нравились кленовые листочки на земле. Такие яркие, невероятных оттенков. Забросив портфель с утенком на защелке, прямо в белых колготках и огромном банте, «купалась» я в опавшей осенней листве.

Дома меня потеряли. В школе назревал скандал.

А в соседнем дворе приветливо кланялась рябина. Эти горящие ягоды непременно хотелось зарисовать, а потом запихать в рот, чтобы ощутить, каков он на вкус – алый цвет.

Еще камни. С необыкновенной судьбой и морщинами. У каждого своя история. И готовность ее рассказать. Я слушала, сидя на упавшем дереве в старом дворе.

Эти проходные дворы, окутанные тайнами ушедших в прошлое жителей. Что унесли они с собой? Что оставили? Осколок керамической чашки и пару бусинок, которые мне удалось раскопать во влажном песке?

Но самое волнительное – это книжки. Новые хозяева квартир выносили их прямо на улицу. Бросали.

Я перетаскивала домой в несколько ходок. И не было сластей момента, чем открывать неведомые страницы неведомых писателей и благоговейно нюхать строчки.

С каждой зарплаты родители выдавали рубль на открыт-

ки. Их накопилось аж от 1000. Значки мы с мамой покупали вместе и радовались как Робинзон Пятнице.

Сейчас понимаю, сколько свободы вмещало детство 80-х. Загадок и тишины. Доверия открытых дверей. И букв, которые быстро подружились с кленовыми листочками.

Гений

На самом деле все было не так. Но родители об этом не знали. В девять часов вечера, перед тем как идти спать, им было торжественно объявлено, что завтра утром на урок нужно принести самодельную машину. Из цветной бумаги, разумеется. Лучше, если это будет грузовик, чтобы положить потом в него ластик и карандаш с ручкой. Мама домывала посуду. Уже расстелила мою постель. И, охнув, присела на табурет. Папа мирно смотрел телевизор, поэтому не был готов к такой внезапной перемене картины мира.

Понятно, что у меня режим, и завтра рано вставать. Что ребенок должен выспаться и все такое. Поэтому без разговоров был отправлен в кровать.

Комната одна, и при свете спать мне тоже не нравилось.

Мама поделилась новостью с мужем. Он быстро починил настольную лампу и родители, пошуршав недолго в поисках материала, ушли в коридор.

Работа по проектированию, моделированию, а потом и производству новейшей модели авто шла до 5 часов утра. Решили, что картон будет надежнее. И мама варила к нему крахмал. Папа чертыхался, но продолжал вырезать кузов и колеса. На крышу школы сыпалось все, что накопилось у него за месяц работы на новом месте и передрыг с начальником.

Однако проект был завершен успешно. Главное, в срок.

Родители попили чай и убежали куда следует им бегать по утрам за деньгами.

Новенький грузовик ждал меня утром на столе, и, казалось, даже улыбался. Вот это да!!!

Встала, умылась, оделась и понесла его в школу.

Да! В тот день я была звезда. Мне даже поставили не одну, а две пятерки: за изобретательность и за исполнение. Еще посулили большое будущее в инженерной отрасли. Показали директору со словами: «Вот, растет новый Леонардо да Винчи».

Я купалась в восхищении. Мальчики смотрели на меня снизу вверх. Девочки – с завистью.

А вечером за мной пришла мама и, узнав о гениальности дочери, чуть не упала в обморок. Ей таки сообщили, что задание было – сделать аппликацию или просто нарисовать объект своей мечты...

Я думаю, что бессонная ночь пошла родителям на пользу. Они уснули сразу же, как добрались до кровати.

Следующая – была только наша. Моя и грузовика. Полная луна в окне. И лишь папин храп иногда прерывал поток моих мечтаний. Теперь мне хотелось свой собственный самолет.

Медведь

Медведь торчал из стены сарая. Ногами на улицу, головой внутрь. Он был большой, мохнатый и несчастный. На наш взгляд. Им заткнули дыру и оставили под дождем, снегом и солнцем навсегда. Мы решили его спасти. Две мелкие девочки изодрали локти и коленки в кровь, но достать его так и не смогли. Позвали дворника. Тот – огромный, как слон, и худой, как мачта, решил наш слезоточивый вопрос за секунду.

Помог донести медведя до квартиры. Моей. Потому что у Ани никого дома не было. А моя мама открыла нам дверь, но никого не впустила:

– Где вы его взяли? – усомнилась она в происхождении грязного и вонючего субъекта в руках дяди Камиля.

– Это... это мы его достали из дырки в сарае!

– Чей сарай?

Мы замялись.

– Елены Сергеевны из 28 квартиры, – ответил мужчина.

– Значит, игрушка принадлежит ей.

– Но, мам! Она же его не любит совсем... он ей не нужен... она мишкой дырку в сарае...

– Согласна, что мишка не заслуживает такого обращения. Но, прежде чем мы возьмем его домой, вы пойдете и спросите у нее разрешения.

Странно. Зачем такие сложности? Ведь своим варварским поступком эта Елена Сергеевна все равно, что выкинула несчастного медведя на помойку.

Но делать нечего. И троица пошла к соседке. Впереди мы с Анькой и дворник с «драгоценной» ношей за нами.

Пожилая и грузная дама с одышкой открыла нам не сразу. Увидела боевых и перепачканных девчонок с драными коленками, дядю Камиля с «чудовищем» почти во весь его рост и махнула рукой. Мол, делайте, что хотите. Только избавьте меня от этого запаха и неприятного глазу зрелища. Медведя забирайте, но дырку тогда почините.

Восторгу нашему не было предела. Мама замочила «спасеньша» в огромном корыте. Дворник заколотил стену сарая досками.

Сушили медведя на крыше 3 дня. Потом чесали его, зашивали и украшали еще столько же. Через неделю он был готов хоть жениться.

Ночевал мишка у нас с подружкой по очереди. А днем мы таскались с ним все вместе и никак не могли нарадоваться новому другу.

Родители улыбались. Дядя Камиль оставлял метлу и садился с нами на лавочке отдохнуть. Счастье заливало детские души и выплескивалось через край. Мы смеялись, кричали, прыгали, прижимались, тискали, наряжали мишку дни напролет. Пока однажды нас не увидела соседка Елена Сергеевна из 28 квартиры.

Она тяжелой походкой возвращалась из магазина. Шаркала, еле дышала. И тут мы. С воплями благодарности бросились к ней навстречу:

– Посмотрите, посмотрите, тетя Лен, какой он стал красивый! Мы его очень любим! Он с нами играет!

Женщина сумрачно кивнула и поплелась домой. Оставила сумки и вышла к нам во двор. Она потребовала вернуть ей медведя (!)

Случилось неземное потрясение. Мы замерли с Анькой и перестали дышать.

Как такое возможно? Она же отдала нам его добровольно! Мы же ее спросили! И дядя Камиль подтвердит. Как она может вот так сейчас поступать?!

Но соседка была неумолима. Она забрала игрушку, несмотря на все наши слезы и уговоры. Ушла. С НИМ.

Мама утешала нас долго. Но даже блинчики с вареньем не могли унять наше горе.

Мы отказывались понимать, что даже очень-очень взрослые люди могут оставаться очень-очень маленькими детьми. И им тоже бывает горько, завидно и обидно. Они тоже хотят счастья и радости через край. Но не знают, что счастьем и радостью можно только делиться, а не отнимать его у других.

Второй

Во второй класс я пошла в татарской деревне. Километра два или три, чтобы на санках по снегу довести свой ранец, набитый книгами. А школа отапливалась дровами. Щели в полу были такими, что если упала ручка – считай, пропала. И с хлебом белым, сложно. Только из под полы и по блату. А от серого – изжога.

Мама удавалось наладить отношения, и ей, как медику, выдавали.

А вокруг только татарская речь. И я сразу же выучила ругательства. До бытовых выражений дело не продвинулось.

Помню, что печку родители топили вечером, а утром вода в ведрах замерзала.

Они на работе уже, а я во вторую смену собиралась.

Потом мама папе сказала, что, несмотря на всю красоту сада из черноплодной рябины, жить она здесь не будет. Поэтому родители собрались и уехали искать квартиру в Казани. А я забыла, что меня предупредили сразу после школы к Розе-апе идти. И навалялась в снегу от души. Промокла. Замерзла. Потом рысцой бежала до дому, а там замок на двери. И темно.

Отпираю, забегаю. Холод жуткий. Макароны в тарелке инеем покрылись. Вода в чайнике льдом застыла. Такое невыносимое отчаяниехватило, что встала я посреди избы

и заголосила во все свои 8 лет.

Прибежала худенькая соседка. Забрала к себе в теплую и уютную комнату. Покормила. И только тут я вспомнила, что меня к Розе-апе отправляли.

Соседка дочку в шаль закутала, сама оделась и пошли они меня провожать на другой конец деревни. А Роза-апа испереживалась вся. Рамилю свою в разведку отправила.

Нашли меня, обрадовались. Уснула в тепле и сытости.

А родители квартиру сняли. Вернулись довольными.

Тогда пошла я прощаться с котом Васькой, который жил в доме напротив, но к нам столоваться приходил. Но не понял он трагичности момента и, задрвав хвост, убежал.

Мне потом учительница – Миляуша Сулеймановна – письма писала. Все хвалила за стихи и передавала приветы от одноклассников.

А я сидела в казанском парке «Черное озеро» и грызла семечки в кулек.

Весна была совсем близко. Птицы суетились. Солнце наступало. Новая жизнь манила и очаровывала. Впереди ждал третий класс.

Треск поленьев

Еще осень, а уже зима. Настроение – надеть теплые носки, налить липового чаю, намазать булку толстым слоем меда и сесть поближе к печке, чтобы смотреть, как трещат поленья в огне. И чтобы бабушка (живая и веселая – как в детстве) стучала рядом прялкой и напевала тихо, протяжно, мелодично древнюю песню. А потом прилезет усталый и замученный своей бурной романтической жизнью кот. Прижмется к бабушкиной ноге. Она же все сразу поймет. Отложит веретено, встанет, накинет шаль и пойдет в сени, налить блудливому подлизе молока. Через открытую дверь воровато забежит холодный воздух. Но мы с печкой его даже не заметим. Треск поленьев начнет затихать, а я – сладко засыпать...

Море

Впервые меня взяли на море в 11 лет. По инициативе деда. Мама очень суежилась со сборами. Я требовала отдельный купальник и ярко-желтые «мыльницы» (резиновые тапочки в дырочку). Папе было поручено купить мне чемодан с цветочками и выдать бабушке денег на ребенка. Потом отвезти всех троих в аэропорт.

Там я и увидела деда без галстука и брюк со стрелками. Он, как преподаватель, следил за своим имиджем. В любое время дня и ночи готовый предстать как для парадного портрета. Но я еще не подозревала, что от меня потребуют того же, пока самолет не приземлился в Сочи.

Бабушка – верный адъютант Его превосходительства – старалась угодить всем. Только я этого не замечала до того, как мне запретили грызть семки на пляже и пуляться косточками в ленивых отдыхающих. Дед строго сказал, что это некультурно и бабушка согласно кивнула.

Для первого раза не стала лезть в бутылку и промолчала. В обед мне предложили первое-второе-третье. Отказ не приняли категорически.

Атмосфера начала накаляться. Второй день на море. В славном городе Дагомыс. А вместо радости и свободы – одни инструкции и ограничения. Мама, конечно, просила меня вести себя хорошо и слушаться пожилых родственников. Но,

черт подери, я стараюсь. Только, судя по недовольным лицам стариков, этого никто не ценит. Сами же привезли на море и сами же из него вытаскивают с причитаниями, что сидеть в воде больше часа – вредно для здоровья. Прячут от солнца. Намазывают вонючей фигней лицо, руки и спину. Бррр.

Когда я впечатлилась модными сабо за 5 рублей, опять же отказали. Аргументы, что их носят девушки какого-то там поведения, меня не убедили. Еще я просила сережки, а получила «полезные» фрукты и молоко.

В конце концов, терпение мое закончилось и я от них ушла. Молча.

Пусть тут отдыхают, как хотят – и без них проживу до отъезда. Буду круглосуточно купаться, есть абрикосы в чужих садах и спать только тогда, когда захочу. Подумано – сделано.

Моя новая прекрасная жизнь не продлилась и 3-х часов. Нашли-таки меня, людоеды. С милицией и собакой. Привели в комнату, посадили на стул. Через пять минут ко мне вышел дед. Сел напротив. И начал длинную воспитательно-философскую речь. Как на лекции у своих студентов. Забылся, видимо. Или не умел по-другому общаться с детьми. Свои-то уже выросли давно. И очень удивился, что его искренние и благородные порывы не нашли отклика у взбалмошной девчонки.

Потом они долго шептались с бабушкой за занавеской. Решили изменить тактику.

На следующий день, наконец-то, повели меня в магазин. И купили... как же это назвать?... Наверное, подарок или поощрительный приз... или... короче, не знаю. Но вместо заветных красных туфель на каблук и огромных блестящих сережек мне торжественно вручили... млин... сейчас заплачу просто... книжку Герцена!!! С укоризненным названием – «Кто виноват?».

Это была травма. Фрейд, Юнг и компания подтвердят.

Что моя болезненная страсть к книгам – целиком и полностью на совести Герцена. Это он во всем и виноват!!! Именно! Ну а кто?

Красота

Мне было 12 лет. Телевизор черно-белый. Родители на работе. Прекрасная балерина Майра Лестер встретила Принца. Он был идеален, пылок, щедр, а потом погиб. И Майра, чтобы не умереть с голоду, оказалась на панели. Нежная, чистая, хрупкая в платье падшей женщины. Платье обтягивало ее угловатую фигурку. Взгляд затуманен. Она встречала бойцов на вокзале. И увидела его. Живым.

Он как бы ничего не понял. Но она не смогла. Чистота погубила девушку – она оказалась под колесами авто на мосту Ватерлоо...

Моя детская душа пережила потрясение. По экрану бежали титры. А я сидела в позе Будды и даже не могла заплакать. Только что погибла красота. Как-то бессмысленно... Без права на компромисс. На попытку что-то исправить. Перевернуть страницу.

Пришла мама. Выключила телевизор. Обняла меня. А я ее. Вновь появилась красота. Я поняла, что она рядом и ее надо очень беречь.

Вера

В условно-атеистические советские времена договариваться с Богом было невозможно. Его не было. Так говорили учителя в школе. Об этом я прочитала в рассказе детского писателя. В него могли верить только моя бабушка и всякие ретрограды-тунеядцы. Мне хотелось быть молодой и прогрессивной. Но не получалось. Поэтому перед экзаменом по геометрии я переписала себе «Отче наш», «Живые помощи» и «Богородица, Дева, радуйся». Сложила листочки в карман и пообещала Богу свечку при успешном разрешении событий. Он оказался чутким и благодарным. Помог мне вытащить правильный билет и «выгнал» в нужный момент учителя из класса. Все получилось так, как задумывалось. Теперь настал мой черед отдавать «должок»: идти в церковь и ставить свечку. Но тут вспомнился тот самый писатель и его обвинения девочки, которая глупая и вопреки заветам Партии и достижениям науки ходила с бабушкой в Церковь. С нее потом за это сняли пионерский галстук и устроили бойкот. Ох! Страшно то как! А чего именно? Остаться без галстука, если кто заметит? Что ребята в классе отвернутся? Да нет. И без них мне неплохо живется. Но что-то удерживало.

Однако воспитание взяло верх. Мама всегда говорила: «Мало ли что не хочется? Назвался груздем – полезай в кор-

зину» И я «полезла», то есть пошла.

Процедура не заняла много времени. Зашла, купила свечку, поставила, вышла. И делов то? За пятерку и три свечки не жалко. Но тут, глаз в глаз, прямо на пороге храма сталкиваюсь я с учителем по физике.

– Ты чего тут? – строго спросил он, перепугавшись еще больше, чем я.

– Картины рассматриваю.

– Какие еще картины?

– С женщиной и ребенком. Потом он вырастает. Его убивают. На крест вешают и плачут. А я вот думаю, что его надо снять с креста, одеть, покормить и оставить в покое.

– Кого его?

– Бога.

– А почему он на кресте знаешь?

– Догадываюсь...

– ???

– Экзамен не сдал?

Учитель округлил глаза, тяжело вздохнул и грустно произнес:

– Иди уже домой, искусствовед. Учи билеты как следует. Видишь, как Он страдает?

Я видела. Жалела его очень. С тех пор решила по пустякам не беспокоить. Не торговаться за отметки. Свечки ставить «задаром». Вдруг ему от них теплее?

Джинсы

Только мама с бабушкой могут искренне радоваться тому, что ты поправилась и уже не влезаешь в старые миниатюрные джинсы. Потому как джинсы – это от лукавого. А здоровый и упитанный ребенок прекрасен только в широком сарафане. И от людей не стыдно. И на душе спокойнее))))

Варежки

Варежки потеряла. Мама говорит – впервые в жизни. И, скорее всего, она права. К вещам нас приучали относиться бережно и ответственно. Поэтому у всех мелких варежки были на резинке, а у меня – нет. Мне доверяли.

В нашем дворе была традиция: ходить на дни рождения. Неважно сколько лет спиногорызу, – кодекс чести требовал, чтобы стол был накрыт и все его соплеменники накормлены. И они, эти чумазы и вечно голодные, ждали.

Родители «новорожденного» прибегали с работы и судорожно метали на стол все, что находили в холодильнике.

Остальные родители тоже не расслаблялись. Обгоняя трамваи, спешили подготовить своих «поздравляющих».

Мама собирала меня, как полагается. Умыла, коленки пластырем залепила, волосы расчесала, бант посадила, платье надела и что-то там завернула. Подарок. Мне нравились его обертка и ленточка (сняли с куклы, чтобы красивее было).

Шла через двор на день рождения мальчика медленно. На качелях посидела. Кошку погладила. Попела. Постучала.

Мальчика звали Фанис. Еще была Лиля – его сестра. А дверь открыла Роза-апа:

– Заходи, кызым!

Я торжественно вручила подарок красноухому Фанису.

Он не знал, что под оберткой, но был доволен.

– А кроме меня никто не пришел? Где все?

Фанис пожал плечами и положил подарок на стул. Роза-апа крикнула, расставляя тарелки:

– А зачем нам все, кызым?! Заходи ты. Все равно снохой нашей будешь.

– Кем? Неее... Может я пока пойду? Потом приду... когда все... не хочу снохой, понимаете...

И, потрясенная грядущим статусом, начала медленно пятиться к двери. Бросилась наутек. Влетела домой. И тут. О, стыд! В руках подарок. Тот, что Фанису. В обертке с ленточкой от куклы. Боже мой! Боже мой!

Когда это я? Что это со мной? О!

А все потому, что ответственная. И варежек никогда не теряла.

Джульетта

Расческа и гигиеническая помада в кармане семиклассницы – это верх неприличия. Смешно? А в середине 80-х – не очень. Мы все ходили в шерстяных платьях коричневого цвета и черных фартуках. Белоснежные гипюровые воротнички пришивались в воскресенье. И обязательно менялись в следующее. Красный пионерский галстук тщательно отглаживался и носился, как крестик на груди у верующего. Никакой косметики. Маникюр – чистые и аккуратно подстриженные ногти. Если «украсть» у мамы три капли волшебного *Magie Noire* – можно сразу схлопотать гневную запись в дневник, за запах, недостойный пионерки.

Брошки, сережки, а про колечки и бусы даже разговор не ведется, – можно было хранить под подушкой и хвастаться только близкой подруге, которая уже пообещала здоровье мамы и счастливое будущее партии, как залог за свое молчание.

Все было чисто, целомудренно и никаких там этих всяких... Неприступность рабыни Изауры и Зои Космодемьянской на алтарь для подражания.

И вот на фоне этого разнузданного благочестия подходит ко мне одноклассник и предлагает... О, my God! ... «ходить».

– Куда ходить?

– Ну...

Он замялся. Не смог ответить. Поэтому стал «ходить» один. Но за мной. Во время уроков сидел в ряду напротив и печально вздыхал. Потом провожал медленно до дому и прятался за каждый угол, когда я нарочно оборачивалась. Это все было волнительно и необычно. Не как в романах. Нет. Без дракона, цветов и подвигов. Но тоже мило. Возможно, это была такая первая любовь – созерцательная. Просто смотреть на свой объект и томиться душой, как картошка в печке.

Или поэтическая. Влюбленный наслаждается и страдает одновременно, но действий не совершает. Такая вот любовная медитация.

Но жизнь непредсказуема. И на любого мечтательного «поэта» всегда найдется активный «бизнесмен». Который точно знает, чего хочет, и имеет на этот случай план.

Такой вот «ловец женских душ» сидел со мной за одной партой. Он не стал вздыхать и пытаться формулировать невнятные предложения.

Сначала купил несколько пачек мятных таблеток и полкило ирисок. За два урока литературы и один по физике мы все это радостно слопали. И даже потом на перемене вместе пошли в столовую за компотом. На другой день он принес коллекцию марок и предложил мне выбрать себе ту, которая больше понравится. И тут тоже все получилось. Счастью моему не было предела. Кульминацией «соблазнения» стала

его готовность раскрасить за меня карту по истории и дать списать домашку по геометрии. Не прошло и трех дней, как мое сердце пало к его ногам. Именно он получил почетное право идти рядом и нести мой портфель до дома.

Весна только-только подступала. Солнце сулило много чудесного. Сердце сжималось от чего-то волнующе-неизвестного...

Но в конце месяца его перевели в другую школу. Родители получили новую квартиру, и вопрос решился в два шага. Тогда достала я с полки Шекспира в цветастой обложке и с глубоким осознанием трагичности момента прочитала:

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте...»

Модница

Я никогда не была модницей. Бабушка говорила, что это неприлично. Главное, чтобы все было чистое и аккуратное. Поэтому я не носила салатových носков и мне не купили джинсы «мальвинки». Конечно, я страдала, когда все девочки хвастались шапками «петушками» и рассекали в фиолетовых пуховиках. Мне надлежало ходить в пальто «гимназистка». И еще дедушка заказал шапку-корону из белой норки. Оставалось только смириться.

«Самое важное – это вкус, образ, который ты создаешь. Все остальное – кич», – объясняла мне бабушка.

Девочка-подросток верила и даже перешла мамино платье в юбку. А потом придумала себе сарафан из черных ленточек. Но не помогало. Все равно салатových носки вдохновляли больше. А еще хотелось грызть семки и плевать на тротуар. Тут уже разозлился дед:

– Барышня! Ведите себя пристойно! Если хотите позорить фамилию, то пожалуйста. Но только при условии, что это фамилия Вашего мужа.

Дело было за малым – за мужем. И тогда можно будет носить малиновые носки, пиджаки, платья, и смело «позорить» его фамилию, не оглядываясь по сторонам.

Тонечка

Тонечку родители очень любили. Она родилась во втором браке у папы и в позднем у мамы. Когда ему было сильно ЗА, а ей ПОД сорок.

Жили скромно, тесно, но дружно. Даже счастливо. Несмотря на тещу, холодную воду, туалет на улице и буйных соседей за стенкой.

Тонечку папа приводил в школу за ручку, поправлял бант, помогал снимать гамашы и тяжелые сапоги. Портфель, лыжи и мешок для второй обуви – тоже носил он.

Мы зло подтрунивали над ними. Этот высокий, худой, улыбчивый инженер-очкарик, который с почтением здоровался даже с мрачной техничкой, вызывал всеобщее недоумение. Даже у самой технички. Он вообще нормальный? Чего он хочет? Она – порядочная женщина! Хотя и старая дева, но с достоинством.

Где такое видано, чтобы взрослый мужик садился на корточки перед маленькой девочкой и с умилением чистил ей яблоко? Смотрел на нее с восхищением и (о, ужас!) на остальных детей (то есть на нас) тоже.

Он называл Тонечку красавицей. И она, как и мы, верила в это. А потом ходила в зашитых бабушкой колготках, но с высоко поднятой головой.

Вечером ее забирала мама и везла в бассейн – совершенно

невиданное для остальных место. Наши родители уходили на работу пока мы еще не проснулись, а возвращались, когда уже спали. Самых «ленивых» оставляли в «продленке». Остальные бегали, где хотели.

Я после уроков спускалась на улицу Баумана и занимала очередь в Доме печати. Потом выясняла какие книги «дают», сколько в одни руки экземпляров, договаривалась с теми, кто занимал за мной и бежала домой за деньгами. Потом меня «ждала» очередь за молоком, кефиром и сметаной. В нее тоже надо было «вставать» заранее: лучше до того, как привезут продукты. То есть, часа за два. А между делом – почитать французские романы и сочинять свои собственные.

Уроки делались поздно вечером или на переменах следующего дня. Однако успешнее всего получалось списывать и отпрашиваться с уроков. Свобода действий опьяняла и завораживала: хочешь иди в кружок танца, хочешь учишь вязанию или рисованию, а надоело – бегай с мальчишками за мячом или играй в стрелы.

А Тонечка в это время красиво плыла в голубой воде городского бассейна. Бабушка подогревала ей борщ и доставала из духовки пирожки с грибами. Мама с папой помогали делать уроки.

Мы не завидовали Тонечке нисколько, но любили ходить к ней в гости. Это было необыкновенно. С нами обращались и разговаривали как со взрослыми: уважительно, радушно

и очень тепло. Непременно сажали за стол и доставали все сладкие запасы к чаю.

Потом провожали до остановки «за ручку» (как Тонечку) и просили перезвонить из дома.

Мы забывали, разумеется.

Потом все резко выросли. Разбежались по разным дорогам, судьбам, городам, странам.

Хотели в космос слетать, мир спасти, открыть новую вакцину, наконец. Но набили шишки и накопили разочарования. Кто-то смирился, кто-то развелся и потом опять женился. Поменял профессию на одну, потом на другую. В целом, криво как-то все получилось. Но уж как есть. И нашлись уже много лет спустя в социальных сетях, разбросанные как осколки звезд по чужим галактикам. Побитые, но не сдавшиеся.

И только Тонечка никогда не меняла своей орбиты. После школы они с мамой отнесли документы в институт. Поступила. Закончила. Вышла замуж. Родила детей. Вырастила. Схоронила бабушку и родителей. Сделала в квартире ремонт. Продала.

Купила путевку в Турцию и улетела с мужем отдыхать на море.

Мужчина моей мечты

В 15 лет я была абсолютно уверена, что мужчина моей мечты выглядит как этот индийский актер. Причем, не я одна. Девчонки в нашем классе тоже так считали. Однако его фоток у меня было больше, чем у других. Это давало некоторое преимущество.

У нас родился план написать ему письмо и приложить сногсшибательный портрет татарско-русско-еврейской красавицы. То есть меня. Дело было за малым. Прыщавый угловатый подросток должен был как-то очень быстро трансформироваться в роскошную леди.

Вопрос решался во время большой перемены. Мы даже обедом пожертвовали. Выбирали образ. Элизабет Тейлор или Мэрилин Монро? А может, Мадонна? Да нет, фу... А кто? Рабыня Изаура?

Марлен Дитрих, Грейс Келли, Вивиен Ли... Какие ему девушки нравятся? Предположили, что все же блондинки.

Началась работа. Перекись водорода, мамина пудра и ярко красная помада (это кто-то у старшей сестры стырил). Каблуки, чулки и тесное платье с открытыми плечами. Млин! Грудь! С грудью все плохо! Маловато получается. Бюстгальтер нашли французский. Новый совсем. Чей-то папа подарил чьей-то маме (не помню уже кто и кому). Но пришлось идти в аптеку за ватой.

Заодно купили мятные таблетки – 3 пачки – и съели там же в нервическом порыве.

К концу недели «красавица» была упакована: желтые волосы, зверские стрелки, алые губы, огромная грудь и все это мотылялось в туфлях, которые были велики на два размера. Красота!

Все восхитились. Позвали мальчишек, чтобы оценили.

Они, конечно, оказались тупыми и дикими. Ну, кто бы сомневался? Подняли вой от смеха. Кроме одного. Он стоял и восхищенно хлопал ресницами.

Письмо мы так и не написали. Фотку не сделали.

Но через неделю ко мне подошел тот мальчик (с длинными ресницами) и сказал, что я – девушка его мечты.

Учитель истории

Стыдно, конечно. Как вспомню – в краску бросает. А по сути – безобидная история. Он был молодой, высокий (нам казался умным и красивым) – учитель истории в старших классах. Мы все хихикали на его уроках. А он терпел. И во СНЕ мне однажды приснилось, что силы его закончились смотреть на наше безобразие. Схватил он меня за воротник и выволок из класса. Прижал к стенке и грозно так сказал:

– Если еще раз... Если еще раз будешь хихикать... Смотри у меня!

Я напугалась и сразу же проснулась. Ох! Ну, бывает же такое? А мы что смеялись то? Да когда он спросил, что, мол, помните, как в 1242 году было? Ну, конечно, мы помним! А как же? Сами в этом году под знаменами Александра Невского так и ходили. Там же 5 апреля на Чудском озере немецких рыцарей рубили и потом на щите их домой приносили.

Смеялись мы причинно, а угрозы в сновидениях моих были совсем уж... несправедливые.

На утро ожидалась контрольная по физике. Волнительно это все. А тут дверь в класс открывается и заходит к физике наш любимый историк. Тихо шепчет что-то. Тот кивает и смотрит на меня понимающе.

А вопрос простой. В наш музей Декабристов юные пионЭ-

ры с экскурсией пришли. Хотят они, эти желторотые недоросли, узнать про то, как декабристы Герцена разбудили, Пушкина вдохновили, Кюхельбекера с пути истинного сбили и все такое. Я обычно про жен декабристов рассказывала. Тех, что бросили все чины и богатство, и в Сибирь поехали своим нерадивым мужьям каши варить. Вставала так импозантно под стендом с фотографиями юных (и тех, кто постарше) героинь и вещала наизусть. ПионЭры глазами вращали. Ничего, разумеется, в подвиге не понимали, но кивали. А мы старались. Мои напарники из других классов выступали под стендами с Грибоедовым и компанией. И тоже живота не щадили. Тараторили так, что от зубов скакало.

Через час представление закончилось. ПионЭры нас покинули.

А время контрольной по физике еще не вышло.

Мы с трепетом ждали, что скажет наш драгоценный куратор музея – Учитель истории – молодой и высокий.

– Отдыхайте, ребята! Вы молодцы! На физику можете не ходить.

– О! – искренне и прочувствованно выдала я.

Все заинтересованно на меня посмотрели.

– Какой же вы добрый сегодня, Сергей Андреевич! Ночью (вспоминая свой тревожный сон) Вы не таким были...

– Что?!!! – вскричал перепуганный учитель. И очки его запотели.

Коллекционер

Имя у него было замысловатое. Помню только высокую худую фигуру, черные мохнатые усы и белую рубашку. Он пришел к нам учителем географии и сразу же начал с разбора мусора в лаборантской. Молодой такой. Целеустремленный.

А меня к нему отправили в честь летней практики. Через неделю мне предстояло стать пятиклашкой, вот я и пошлёпала с важным видом на третий этаж.

А там пыль коромыслом и груда камней посреди класса. Посмотрел он на меня с высоты птичьего полета и выдал указание:

– Если хочешь помочь, то бери понемногу камни и осторожно носи на помойку во двор. Нечего им тут делать.

Я присела у кучи. Покрутила. Повертела в руках «мусор». Решила, что не пропадать же добру. Камни цветные, красивые. На солнце переливаются. И за неделю перетаскала их все домой. Сложила в комнате в углу. Довольная собой пошла ужинать.

В субботу мой трофей был обнаружен:

– Это что тут за мамаев курган выложен?!!!

– Нет, не курган.

– А что?! Что это?!

– Полезные ископаемые. Мне их учитель географии подарил. Так и сказал: сбереги для потомков.

– Для каких еще потомков?! У нас в квартире и так не развернуться, а ты...

– Пусть здесь полежат пока, мам. Я после зимы их в сарай отнесу. Ты только посмотри какие они красивые. Давай их на подоконнике разложим?

– Доченька, дорогая, я, конечно, понимаю, что ты у нас человек запасливый, но мы с отцом только в прошлом месяце в сарай отправили книжки, которые ваша библиотечкашша пыталась выкинуть. Ты так и будешь домой весь этот школьный хлам перетаскивать?

– Буду! Нам на уроке истории рассказывали про Александрийскую библиотеку. Ты знаешь, кто ее уничтожил? Люди! Но были и такие, которые пытались что-то спасти, понимаешь?

– Стихи Пушкина продаются на каждом шагу. Их никто не уничтожает. Просто библиотека выкидывает старые обветшалые книжки.

– Эх, мама!

– Ладно, не могу больше спорить. Отец, бери ведро и неси камни в сарай. У нас, кажется, растет то ли плюшкин, то ли коллекционер. Время покажет.

Что выросло, то выросло.

Член семьи

Я нашла его в траве за углом в грязной луже. Он дрожал, скулил и всего боялся. Принесла домой. И мне разрешили его оставить, рассудив, что пусть ребенок играет с животным, которое отмыто и без блох, чем таскает его по улице. Его стирали в тазике шампунем, сушили и выводили членистоногих профессиональными средствами. В итоге у меня появился друг – кот «уже не помню, как звали». Пусть будет «не помню честно». Мне было счастливо. Ему – сытно и тепло. Мы были довольны сложившимися обстоятельствами совместного бытия. Я мирилась с тем, что он иногда гадил не там, где полагалось. Честно ругалась, но убирала. Он – с тисканьем и неизбывной нежностью до хруста в костях. Так и жили. Пока я не принесла в дом ежика. Родители промолчали о том, что этот новый Член всю ночь топал, как слон, и гадил, как табун лошадей. Кот не смог. Он, черт подери, обиделся и пошел гулять, чтобы не вернуться. Ежик тоже потом свалил. Подозреваю, не без помощи папы. Мама говорила, что за три ночи сожительства с этой лесной «Ключочкой» он выкурил больше сигарет, чем за три последних месяца. Все были рады свободе ежа. Но Кот не дождался.

А зря. Терпение и что-то там еще всегда побеждают. Но Кот в школу не ходил и мудрости народной не знал.

С тех пор я ежей в дом не вожу. Зареклась. И котов тоже,

кстати.

Справедливость

В юности моя пылкая душа была очень чувствительна к вопросу «справедливости». Как она его понимала.

Поэтому слова Сэлинджера произвели на нее особенное впечатление: «Признак незрелости человека – то, что он хочет благородно умереть за правое дело, а признак зрелости – то, что он хочет смиренно жить ради правого дела».

Но со временем понимание этого самого «правого дела» как-то потеряло свою однозначность.

Великий ученый Галилео Галилей в XVII веке доказал, что в одно и тоже время, когда на одной стороне Земли ясный день, на другой – глубокая ночь. И наше переживание времени суток прямо связано с тем, на какой из них мы сейчас находимся.

Но еще в VI веке до н.э. мудрый Будда предостерегал: «То, что кажется очевидным, может быть совсем неочевидным».

А в XX-м – моя собственная бабушка угостила пирогом мальчишку, который за час до этого, в нашей отчаянной с ним драке, вlepил мне по лицу трубой от мотоцикла. И на мой вопль: «Ты предательница!», спокойно ответила: «А нечего было задираться? Мальчишка, небось, за всю жизнь доброго слова не слышал. Родители, сама знаешь, пьяницы. Обижают его. Да вот еще ты на него с кулаками. Кто, скажи, его еще пожалеет? Да и не пристало девочке драться».

ся!»

Тогда я ее не поняла и сильно обиделась.

А сейчас мне кажется, что именно так на нас смотрит Бог и сокрушается, как Его дети беспощадны друг к другу.

Пироги

Лучше всего у нашей бабушки Веры получались пироги. Пушистые и во рту тающие. Жевать не нужно. Просто в рот положить и наслаждаться.

Причем, рука по привычке брала много на замес. Меньше, чем на подъезд не получалось. А все потому, что семья большая была. Детей своих 5 человек и соседских немерено. А когда одна осталась, то изменить привычке уже не получалось. С вечера тесто ставила даже не в кастрюле, а в баке каком-то. В 5 вставала и давай начинку готовить. К вечеру пирогами можно было роту солдат накормить. Нет, вру. Дивизию. А тут мы приехали. Семья из трех человек. Мама, папа и я мелкая.

Ох, она уж вокруг нас бегала. От радости присесть никак не получалось. Меня все тискала. Маме новую шаль задарила. Папе (сын же) было поручение за водой сходить. А потом усаживала всех за стол, а на нем пироги с самыми немислимыми начинками, с самым удивительным содержимым. Но гости то тощие, городом порченые, на фигурах замороженные. Съели по пирожку и утихомирились. А она родимая бегает вокруг них и приговаривает:

- Вы ешьте-ешьте!
- Мы едим-едим!
- Больше ешьте!

– Угу-угу!

Видит, что количество пирожков не уменьшается. Эти трое – едоки никакие. Она разволновалась сердешная.

– Да вы ешьте-ешьте!

– Да мы едим-едим!

А ведь врут, паразиты. Еще 5 тазов на подоконниках стоят. И во всех пироги, с горкой. Утром соседям нести придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.